

Кусов Геннадий Владимирович

кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
политологии и права
Кубанского государственного
технологического университета
тел.: (861) 233-18-45

**ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ
«РЕЧЕВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ»
В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ
И ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ
ТЕОРИИ СУДЕБНОЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ**

Аннотация:

В статье дан лингвоправовой анализ проблем, возникающих при диагностике вреда чести, достоинству, деловой репутации. Проанализированы действующие принципы института охраны личных нематериальных благ, определены тенденции развития законодательства о диффамации, предложены новые алгоритмы семантических исследований для теории судебной лингвистической экспертизы. В статье описана новая методика диагностики маркеров языка на основе анализа элиминации ложных гипотез.

Ключевые слова:

судебная лингвистическая экспертиза, принципы права, теория языкознания, правовой дискурс, речевой акт.

Kusov Gennadiy Vladimirovich

Candidate of Philology,
senior lecturer of the chair of
political science and law,
Kuban State Technological University
tel.: (861) 233-18-45

**DECRIMINALISATION OF
“SPEECH CRIMES”
IN RUSSIAN LAW
AND SUBJECT OF STUDY OF
THEORY OF FORENSIC
LINGUISTICS EXPERTISE**

The summary:

The article gives judicial linguistical analysis of problems, appearing at diagnostics of the harm to honour, value, business reputation. There are analysed the acting principles of the institute guard personal good, are offered new algorithms of the semantic studies for theory of the judicial linguistical expert operation. New methods of the diagnostics marker language is described In article on base of the analysis of the elimination incorrects hypothesis.

Keywords:

judicial linguistical expertise, principles of law, theory of linguistics, legal discourse, speech act.

Имя каждого гражданина неразрывно связано с правом, ибо утрата доброго имени или искажение социального портрета влекут за собой потерю нормальных общественных связей, а значит, и утрату определенного статуса в правоотношениях с другими субъектами [1, с. 3]. Поэтому честь и достоинство являются важнейшей социально-правовой ценностью и потребностью для любого государства и общества и нуждаются в соответствующей государственной защите.

Семантическое поле концепта «имя» включает следующие сегменты: «номинация лица» (подсистема «негативная номинация лица»), «доброе имя» и правовой аналог «защита доброго имени» (статья 23 Конституции Российской Федерации), то есть Основным законом гарантируется «право на доброе имя» (статья 21 Конституции Российской Федерации; сравните, «доброе имя», «право на имя» статья 150 Гражданского кодекса Российской Федерации). Понятийные правовые сегменты, входящие в семантическое поле концепта «имя», характеризуют его с позиций кодификации запрета на недопустимость искажения социального портрета лица: «оскорбление», «клевета», «тяжкое оскорбление» (подсистема: насилие, издевательство), «публичное оскорбление» (статьи 130, 129, 107, 113, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации); вред, компенсация морального вреда (статья 151 Гражданского кодекса Российской Федерации). Правовые семантические эквиваленты понятия «доброе имя» – «честь, достоинство, деловая репутация», с точки зрения законодателя, призваны раскрыть механизм охраны и защиты «права на доброе имя» через имплицатуры **искажения социального портрета**: «унижение чести и достоинства»; «сведения, порочащие честь и достоинство другого лица»; «сведения, подрывающие репутацию другого лица» [2].

Концепт «имя» имеет дополнительные юридические свойства в следующих случаях:
1) *угроза искажения социального портрета*: угроза распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, иные сведения, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких (статьи 163, 179 Уголовного кодекса Российской Федерации); 2) использования специальных *форм тиражирования информации*: публичное выступление, публично демонстрируемое произведение, средства массовой

информации, распространение; 3) *отражение картины мира*: ложные сведения; заведомо (ложные) сведения; 4) *морализирование*: обвинение в совершении тяжкого преступления; обвинение в совершении особо тяжкого преступления.

Законтурное пространство концепта «имя» представлено факультативными правовыми понятиями: неуважение к суду; представитель власти; исполнение должностных обязанностей; в связи с исполнением должностных обязанностей; военнослужащий; обязанности военной службы, подчиненный; начальник; право принадлежит от рождения; право принадлежит в силу закона.

Научное сознание при лингвокультурном описании концепта «имя» выработало следующие теоретические понятия: «причинение вреда здоровью» (синдромы: пограничные состояния; психосоматические расстройства; соматические заболевания [3, с. 17]), «нарушение норм морали», «социальная оценка», «плохой стилистический вкус» (реакции на оскорбление или клевету может и не быть, так как оскорбление и клевета – это «сквернословие», то есть это стилистический прием речи, указывающий на низкий уровень социализации личности).

Наличие уголовной ответственности журналистов за клевету, оскорбление – важный сдерживающий фактор на пути противоправной деятельности. Исключение уголовной ответственности – недопустимо, поскольку это может привести к самосуду, так как еще очень многие россияне считают, что «злые языки – страшнее пистолета», следовательно, виновные должны быть сурово наказаны. Само наличие уголовной ответственности, если и не исключает, то существенно снижает возможность самосуда [4].

В субъектах Российской Федерации были приняты законы субъектов, выдвигающие особые этические требования к поведению лиц, замещающих должности гражданской службы субъекта и депутатов представительных органов власти субъекта Российской Федерации.

Законодательство субъектов Российской Федерации устанавливает нормы, вводящие ответственность за посягательство на честь, достоинство депутата представительного органа местного самоуправления, но не дает толкования терминам «оскорбление», «клевета» ни в текстах самих законов, ни в текстах законов субъектов об административных правонарушениях. Кроме того, законодательство субъектов вводит «новеллы», неизвестные федеральному законодательству: «оскорбление, клевета либо *распространение искаженной информации о депутатской деятельности*» [5]; «оскорбление, клевета либо *распространение информации о депутатской деятельности в искаженном виде*» [6]; «публичное оскорбление депутата, а также его личное оскорбление» [7]; «*неуважение к депутату Совета народных депутатов, выразившееся в совершении кем бы то ни было действий, свидетельствующих о явном пренебрежении к депутату Совета народных депутатов или к установленным настоящим Законом правилам*» [8]; *необоснованные обвинения в чей-либо адрес, грубые, оскорбительные выражения*. [9].

Интерпретация в судебной лингвистической экспертизе нововведений «искаженная информация», «информация в искаженном виде», «неуважение к депутату», «неуважение к правилам» требует от любого эксперта обратиться к теоретической языковой базе нового дискурса «о диффамации», а лишь потом составить и подписать экспертное заключение. Законодатель субъекта Российской Федерации без подготовки теоретического уровня пытается соответствовать новым общественным отношениям, вводя на своих территориях «основы» законодательства о диффамации. Диффамацией является распространение позорящих другое лицо сведений независимо от их истинности [10, с. 50].

В случае осуществления реформы по декриминализации «клеветы» и «оскорбления» и выводом статей 129 и 130 из Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации остальные статьи «отсылающие» диспозиции правовых норм к «первоисточнику» останутся без своих правовых дефиниций. Состав оскорбления по статье 130 Уголовного кодекса Российской Федерации является общим по отношению к таким специальным составам преступлений, которые предусмотрены статьями 297 (неуважение к суду), 319 (оскорбление представителя власти) и 336 Уголовного кодекса Российской Федерации (оскорбление военнослужащего). Фактически российский Уголовный кодекс превратился в свод специальных правил. Каждый общий запрет дублируется на каждое отдельное нарушение. Представляется, что такая уголовно-правовая политика неэффективна и приводит только к увеличению размера (объема) Уголовного кодекса, а не повышению эффективности борьбы с изучаемым явлением [11, с. 11].

Согласно действующему законодательству клевета – распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. С точки зрения русского языка (и толкования уголовно-правовой нормы) «заведомо ложные сведения» – это измышления, то есть вымысел, продукт фантазии кого-либо. Измышления изначально фактом (то, что имело место в физическом мире и оставило следы) быть не могут, так как это продукт деятельности определенного «мыслителя». Следовательно «заведомо ложные сведения» – это индивидуальный сценарий, особый взгляд, оценочное мнение автора на под-

бор суггестивных средств языка с целью представить в «выгодном для себя свете» событие, которого не было (но могли быть подобные в других местах), с целью добиться заданной прагматической цели (опорочить). Мнение автора клеветы индивидуализировано в подборе языковых средств воздействия на массовое сознание, что ничего общего не имеет со «свободой выражения мнения» (критика недостатков общественного явления), гарантированного Конституцией Российской Федерации (статья 29) и международными Конвенциями. Мнение о недостатках социального явления направлено на оптимизацию общественных отношений, а клевета (как и диффамация) всегда персонифицирована и направлена на «социальную гибель» личности через общественный интерес.

В судебной лингвистической экспертизе по делам о клевете вопрос о наличии в спорном высказывании факта некорректен. При осознании ложности высказывания, и в целях создания эффекта физического «присутствия» адресант при помощи единиц языка осуществляет привязку к физическому миру через «географию» места события (ср.: в лингвокультуре тест на истинность/ложность: «Как самочувствие Андрей, выпивал?»; «А ты мне наливал (*где-то*)?» [12]). При клевете эффект очевидности факта создается описанием «географии» присутствия (*где-то*) и одновременным введением оценочной системы «публичных координат» (ср.: в русской лингвокультуре: «позорный столб», «позор» и «опозорить»).

Пример 1. Статья «Судейская доля» («Правда», № 45 от 29.04.2011): «Доля судей (В.С.), с которыми X1 и X2, возможно, «договорились» (*где-то*) об освобождении из-под стражи, не разглашается».

Лингвоправовой анализ: персонификация определяется по материалам дела; договорились – «координаты» гражданского (договорного) права, не имеющие отношения к уголовному судопроизводству; хотя в спорном тексте нет прямого указания, что судьи получили материальные ценности в качестве предмета взятки; выражается мнение-предположение вводным словом «возможно»; отсутствие ложности сведений не может быть опровергнуто предоставлением копии договора гражданско-правового характера; слово «договорились», взятое в кавычки, лишь подтверждает умышленный характер клеветы, так как автор изначально осознает, что это слово взято из другой «системы координат»; «доля судей» – порочащий характер, так как в контексте статьи «доля» – раздел имущества, добытого преступным путем; прием – антитеза: «судейская доля – доля награбленного».

Таким образом, «*выражение лицом собственного мнения*» не может полностью исключить возможность преследования за клевету. Задача судебной лингвистической экспертизы «клеветы» показать и ложность языковых «координат», и «порочащий характер» сведений. Эвентуальность ответственности [13, с. 10] за клевету заключается в презюмировании вреда «чести и достоинству» как категории референции «добраго имени» к статичному социальному статусу индивида или к социальному статусу в динамике, когда личность, вовлеченная в общественный интерес, реализует в социуме свои права и свободы (ожидание нового успеха).

К сожалению, проблема «правовых дефиниций» и «языковых утилитарных понятий» продолжает преследовать исследователей, занимающихся изучением продуктов речевой деятельности, вовлеченных в правовой дискурс. Научная неопределенность и недостаточная проработанность терминологического аппарата пока компенсируется профессиональными штампами о допустимом истолковании «языковых форм» правовых норм: «принято полагать в профессиональной среде» или «практика свидетельствует о том, что».

Анализ судебной практики подтверждает, что в судебной лингвистической экспертизе необходимо раскрывать более существенные признаки, которые отображают прямые индексы оскорбления, такие как **социальная оценка**. Оскорбление – это не негативная характеристика отдельной личности, это отрицание ценности «чести и достоинства» конкретного индивида как общечеловеческого достояния, общечеловеческой ценности. Поэтому основной задачей диагностики оскорбительности в судебной лингвистической экспертизе является выявление «точек» пересечения семантических полей лингвокультуры и диспозиции правовой нормы.

Диагностика в судебной лингвистической экспертизе «подавления интеллектуальной составляющей» сознания личности через анализ «негативной оценки личности» решает косвенные задачи (намерение оскорбить; анализ психического вреда; эмпирическое описание морального вреда, что для анализа оскорбительности в праве несущественно, т. к. компенсация «морального вреда» возможна только в случаях, указанных в законе, этот список ограничен и не подлежит расширенному толкованию). Негативная оценка личности – это оптическая призма, через которую люди рассматривают окружающую действительность, чтобы выразить свое отношение к адресату [14, с. 28]. Оценивать – значит, высказывать похвалу или порицание. Негативная оценка – это лишь мнение, выражающее отношение субъекта к объекту через сравнение с антиподом. Но поскольку оценки – это суждения, то они, как и прочие суждения, распознаются с

позиций истинности или ложности. Это делает оценки более относительными, чем ценности [15, с. 33]. Негативная оценка подтверждает количественный аспект критики (черепаша – медлительность), а не качество состояния отрицания или умаления личности как общечеловеческой ценности (ср.: шакал – алчность, беспощадность). Оценка личных качеств субъекта, пусть даже и «негативная», – это индивидуальное умозаключение, мнение автора высказывания, индивидуальная характеристика субъекта. Социальный статус носит в значительной степени безличный характер, тогда как личный статус подчеркивает индивидуальные качества субъекта.

Каждая лингвокультура закрепляет эталоны отношений к различным типам нормативных выводов [16, с. 18]. По мере развития практической деятельности человека «социальная ценность» включает в себя все большее число предметных элементов, которые постепенно инкорпорируются в социум, то есть становятся общественно-значимыми сущностями. Это явление нашло свое лингвистическое подтверждение в семиозисе «конвенциональных актов» (Сёрль, 1986). Лексика, содержащая лексические типы «социально-нормативного предсказания» (ссылка на известный социальный факт), участвует в манифестации социальной оценки. Ценностная предметность элементов лексики «конвенциональных актов» есть продукт общества. Более того, эта ценностная предметность есть продукт общественных отношений, которые актуализируются через «этимологическую память» предшествующего лингвокультурного опыта [16, с. 63].

План негативных типов «социально-нормативного предсказания»:

I. Церемониальные выражения (фр. «serment» – клятва, особый порядок функционирования):

1. Вынесение приговора или решения суда (мошенник, банкрот).
2. Постановка медицинского диагноза (шизофреник, псих).
3. Нарушение корпоративной этики (сапожник, бракодел).
4. Нарушение формы ритуала: выдача (написание) отрицательного заключения, отрицательной характеристики, публичное оглашение негативной оценки, отказ от возложенной обязанности и т. д. (оборотень и т. д.).

5. Моральная (этикетная) оценка (стукач).

II. Лексика нарушения конвенциональных установок:

1. Нарушение конвенциональных правил (мятежник).
2. Нарушение лингвокультурных традиций (тунеядец).
3. Нарушение морального обычая (прохвост).
4. Нарушение коммуникативного кодекса (пошляк).
5. Нарушение стилистической уместности (нахал).
6. Нарушение институциональных установок (изверг, сатрап).

III. Профанная лексика (лексика, некогда участвующая в отправлении культа, но поменявшая свою полярность ввиду его забвения: сравните: колода – колдовать; гад – гадить):

1. Номинация лица в форме «негативной оценки личности» в профанном значении (фаллическая символика и др.), то есть лишь крайне негативная отрицательная оценка.

С точки зрения аттракции лексика негативного типажа «социально-нормативного предсказания» придает имиджу личности высокую степень непривлекательности в силу того, что вынесена отрицательная социальная оценка, наложена «печать» официального отлучения и общественного отторжения. Таким образом, лексика негативного типажа «социально-нормативного предсказания» включена в социальную оценку личности семантикой коллективного осуждения [17, с. 340].

В современной практической деятельности по производству судебной лингвистической экспертизы оскорбительности в постановке диагностических задач допускается **логическая ошибка**: происходит подмена суждения об отрицании общечеловеческой ценности личности (правовой критерий) суждением о вынесении «лицу негативной оценки» (шкалирование), когда содержательная сторона доказательств основывается на данных лингвокультуры, а не на языковом анализе запрещенного социального явления. Выводы подобной судебной лингвистической экспертизы предоставляют «ненадлежащие» языковые факты, которые, в конечном итоге, становятся основой «неправосудного» приговора или решения суда.

Таким образом, оскорбление – это не оценка по принципу негативно/позитивно, это отрицание ценности человеческого бытия как такового. Оскорбление не может быть истинным/ложным. Мерило оскорбления – это социальная оценка, логически определяемая как значимо/абсурдно: оскорбление может быть действительным или мнимым. Социальная оценка – это всегда то, что высоко оценивается как в отрицательном, так и в положительном смысле – это то, что признается или не признается другими людьми, группой, обществом. Ценность, таким образом, мера качественная и включает в себя только что-либо стоящее, социально значимое. Обычно оценка выражается во мнении, причем как вербально, так и невербально. Мнение по-

нимается как суждение, мысль, выражающее оценку кого-либо, чего-либо. Или как отношение к кому-то, чему-то; синонимы оценки – взгляд, воззрение, точка зрения.

Оскорбление подразумевает социально нестабильную перспективу, а негативная оценка личности – это фиксация неудачного опыта применения личных умений или отражение индивидуальных недостатков. **Оскорбление** – это анонс общественного отказа в праве личности пользоваться социальными достижениями, состоящими из перечня гарантированных социумом прав и привилегий, обеспечивающих устойчивость социального статуса. Данное покушение на общественное признание приводит к тому, что может пострадать «реноме» оскорбленного человека и его социальная устойчивость.

Специфика ценностей, их проявление и функционирование в обществе определяется не субъектно-объектными, а межсубъектными отношениями и в них же, в свою очередь, реализуются. Отношение же субъекта к объекту, с точки зрения его значимости, определяет специфику оценки, а не ценности. Это позволяет четко различать понятие оценки как субъектно-объектного отношения и ценности, фиксирующей наиболее общие типы отношений между субъектами любого уровня от личности до общества в целом, исполняющие обратную нормативно-регулирующую роль в обществе. При этом имеются в виду отношения не только между личностью и обществом, а все возможные варианты межличностных (субъект-субъектных) отношений.

Мыслительные операции, не переставая быть логическими, могут иметь более широкий ряд оценок, нежели просто «истинно/ложно» [18, с. 16]. Используя анализ элиминации ложных гипотез Ч. Пирса [19, с. 48] и «язык интерпретации речевого акта оскорбление», можно создать алгоритм диагностики оскорбительности на основе замещения социальных оценок.

Образец методики:

1. (P) посыл – общие идентификационные признаки социальной группы N.
2. (A) утверждение – X принадлежит к указанной в п. 1 группе N.
3. (C) верификация следствия – принадлежность X к указанной в п. 1 группе N абсурдна или это очевидный факт (метод сравнения подобий).
4. Интерпретационная часть – эффект распознавания.

Анализ примеров из судебной практики по делам об оскорблениях (без юридической квалификации, то есть без описания критериев «неприличная форма»):

Пример 2: «цепной пес».

1. Общие идентификационные признаки явления: целеустремленность.
2. X принадлежит к указанной группе: X номинирован как представитель социальной группы N.
3. Быть целеустремленным – это престижно: очевидный факт, что быть представителем социальной группы N – это престижно.
4. Вывод: принадлежность кого-либо к социальной группе N не умаляет честь и достоинство личности.

Пример 3: «шакал».

1. Общие идентификационные признаки явления: кровожадность, беспощадность.
2. X принадлежит к указанной группе: X номинирован как представитель социальной группы N.
3. Быть кровожадным и беспощадным – это престижно: абсурдное утверждение, так как социально нетерпимо и осуждаемо.
4. Вывод: принадлежность кого-либо к социальной группе N умаляет честь и достоинство личности.

Пример 4: «королева вагинального пирсинга».

1. Общие идентификационные признаки явления: быть первым, возглавлять социальную группу (сравните: королева красоты).
2. X принадлежит к указанной группе: X номинирован как представитель социальной группы N.
3. Быть первым – это престижно: очевидный факт, что возглавлять социальную группу N – это престижно.
4. Принадлежность кого-либо к социальной группе N не умаляет честь и достоинство личности.

Пример 5: «обосрали, обтекай!».

1. Общие идентификационные признаки явления: 1) обмазать кого-либо отходами человеческой деятельности; 2) толерантность.
2. X принадлежит к указанной группе: X номинирован как представитель социальной группы N 1 и N 2.

За. Быть обмазанным отходами человеческой деятельности – это престижно: абсурдное утверждение, так как социально нетерпимо и осуждаемо, ибо ведет к понижению социальной значимости.

Зб. Быть толерантным – это престижно: очевидный факт, что быть представителем социальной группы N 2 – это престижно, социально одобряемо; в исследуемом тексте – директивное утверждение.

4. Принадлежность кого-либо к социальной группе N 1 умаляет честь и достоинство личности.

Объект оценки – это предмет или явление, которые поддаются осмыслению и оцениванию. При этом при проведении судебной лингвистической экспертизы необходимо понимать, что не следует путать такие понятия, как объект оценки (неуклюжий человек) и объект собственно познания окружающего мира (черепаша). Если собственно познание представляет собой отражение предметов, явлений и процессов объективного мира в понятиях, суждениях, умозаключениях, то оценка предполагает взаимное сравнение с субъективными взглядами и представлениями, которые выполняют в процессе оценки функцию критерия, мерил и, тем самым, позволяют прийти к оценочному суждению. «Черепаша» в данном случае не объект окружающего мира, а степень мерил, шкала, узальная языковая единица. Шкалой нельзя оскорбить, мерило – это сравнение. Сравнение может быть некорректным, неудачным, неподходящим. Оскорбление всегда социально, так как это «социальный подтекст», «социальный объем», качество причиняемого социального вреда. В таком понимании **оскорбление** – это причинение обиды чувствам самокритичной личности, не допускающей определения ее социальной значимости ниже порога восприятия общепринятых форм приличия.

При квалификации правовой нормы оскорбление значение имеют следующие элементы, которые собственно и подлежат квалификационной оценке: 1) каким социальным ценностям наносится ущерб, то есть определяется вид общественных отношений; 2) какими способами и приемами было достигнуто оскорбление. Для юриста важна юридическая составляющая, квалифицирующая то или иное деяние, в то время как для не специалиста, носителя обыденного или наивного языкового сознания, важно оценить противоправность деяния с утилитарных позиций (наглое, подлое, коварное). Юридические термины являются своего рода застывшими формулами (соучастник, мошенник, виновный) ценностно-значимой информации, лишены эмотивности, образности.

Оскорбление – социальный запрет, заключение о низкой социальной ценности личности (падала), констатация отсутствия социальной адаптации (паразит), негативная социальная характеристика (тунеядец). Социальная оценка – мера качественная и включает в себя только что-либо стоящее, социально значимое. Негативная оценка личности – характеристика кого-либо осуществляется с точки зрения стоимости и выражается во мнении.

В формировании социальной оценки участвует социальная норма, которая служит главным критерием, образцом для подражания, определенным мерилом ценности того или иного социального явления. При соответствии социальной норме явление или субъект получает одобрительную социальную оценку. И, наоборот, при несоответствии социальной норме субъект получает неодобрительную оценку. Для каждого вида номинации социальной деятельности и связанной с ним группы ценностей в качестве критерия оценки выдвигается некий обобщенный образ, образец, стереотип: правило, норма, идеал и т.п., формальные и неформальные регуляторы социальной жизни.

Использование в пресуппозиции речевого акта оскорбление ссылки на социально полезную ценность порождает **мнимое оскорбление** – «оскорбление» абсурдным. Это симуляция оскорбления, обыгрывание «оскорбленности», исполнение социальной роли униженного достоинства, требующего наказания «виновного» при отсутствии достаточных на то правовых оснований.

Один из самых ответственных этапов производства судебной лингвистической экспертизы – формулировка вопросов, на которые будет давать заключение эксперт. Решение проблем техники проведения судебной лингвистической экспертизы зависит, прежде всего, от однообразного понимания лингвистической и юридической терминологии, установления универсальных правил и требований в данной области экспертологии. «Автор» вопросов в судебной лингвистической экспертизе должен четко осознавать, что: 1) речевая единица, которая в своем прагматическом выражении опирается на систему социальных стереотипов осуждаемого поведения, автоматически включается во взаимодействие социальных субъективных оценок и изменяет сложившийся социальный портрет лица, подвергшегося вербальной агрессии; 2) искажение социального образа личности способно причинить вред чувствам, так как наносит урон имиджу, портит социальный портрет и ведет к утрате социальной значимости в глазах коллектива, от которого личность ждет признания.

Экспертиза назначается не для того, чтобы дать «оценку лексическим средствам» (пожурить за использование плохих слов), а для того, чтобы определить, какой урон они представляют в «активированном виде», то есть облаченные в форму речевого акта несут ли отрицательную синергетику для лица как носителя общечеловеческих ценностей. К сожалению, в вопросно-ответной форме профессиональный штамп «в каких лексических единицах дана в спорном тексте негативная оценка личности?» отождествляется с диспозицией статьи материального права, то есть «унижением чести и достоинства». Таким образом, происходит подмена предмета доказывания, так как в русской лингвокультуре отсутствие мелиоративной оценки уже есть «негативная оценка личности». Подобная подмена на стадии формирования вопросов неверно определяет постановку исследовательских задач для эксперта. Такая логическая ошибка приводит к отпечатку субъективности на все экспертное заключение.

Итак, **оскорбление** – это концентрированный социокультурный стереотип поведения, распространенный в массовом сознании носителей лингвокультуры, о видах социально неодобряемого поведения, которое в коммуникативном взаимодействии вызывает несогласие номинированного адресата заняв непривлекательное место в социальной системе ценностей ввиду утраты им прежнего социального образа или положительной оценки самоуважения. Определить степень оскорбительности спорного текста возможно на основе анализа социальной составляющей выражения или лексических единиц, содержащих негативную номинацию лица, «ибо представления об оскорбительности слова или поступка лежат не столько в языковой сфере, а в сфере культурных традиций нормативного поведения человека в обществе» [20, с. 330].

Семантика вопросно-ответной конструкции диагностики оскорбления в судебной лингвистической экспертизе обязательно должна содержать три типа вопросов:

1. Имеются ли в спорном тексте выражения или лексические единицы, содержащие негативную номинацию лица X (идентификационный признак)?

2. В каких выражениях и лексических единицах содержится неодобрительная социальная оценка лица X (социальная оценка, крайне негативная оценка лица)?

3. Какова символика социальных ценностей, аргументирующих речевой акт (социально одобряемые/неодобряемые; значимые, несущественные, ложные), на которые ссылается контекст выражений или лексических единиц, содержащих негативную номинацию лица X (социальный символизм выражений или лексических единиц позволяет детерминировать действительное или мнимое оскорбление использовалось в речевом акте)?

Любая терминологическая дифференциация и усложнение научного аппарата, как и усложнение методологии исследования, обычно свидетельствует о развитии теории и позволяет более точно выразить отдельные оттенки научной мысли [21, с. 210].

Ссылки:

1. Ганжа Ю.В. Преступления против чести и достоинства личности: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: дис. ... канд. юр. наук. Ростов-н/Д, 2007.
2. Леонидов М.А. Гражданско-правовая охрана чести, достоинства, деловой репутации и доброго имени: дис. ... канд. юр. наук. М., 2007.
3. Тополянский В.Д., Струковская М.В. Психосоматические расстройства. М., 1986.
4. Колоколов Н.А. Клеветник подлостью велик // Российская правовая газета «эж-Юрист». 2008. № 23.
5. Закон Томской области «О статусе депутата Государственной Думы Томской области» от 21 февраля 2002 г. URL: <http://www.old.elect70.tomsk.ru/acts> (дата обращения: 17.03.2011).
6. Закон г. Москва «О статусе депутата Московской городской Думы» от 13 июля 1994 г. URL: <http://www.businesspravo.ru> (дата обращения: 17.03.2011).
7. Закон Алтайского края «О статусе депутата Алтайского краевого Законодательного собрания» от 03 мая 1995 г. URL: <http://pravoteka.ru> (дата обращения: 17.03.2011).
8. Закон Кемеровской области «О статусе депутата Совета народных депутатов Кемеровской области» от 15 апреля 1996 г. URL: <http://www.sndko.ru> (дата обращения: 17.03.2011).
9. Закон Пермского края «О статусе депутата Законодательного Собрания Пермского края» (с изменениями и дополнениями) от 06 марта 2007 г. URL:

References (transliterated):

1. Ganzha Y.V. Prestupleniya protiv chesti i dostoinstva lichnosti: ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya kharakteristika: dis. ... kand. jur. nauk. Rostov-n/D, 2007.
2. Leonidov M.A. Grazhdansko-pravovaya okhrana chesti, dostoinstva, delovoy reputatsii i dobrogo imeni: dis. ... kand. jur. nauk. M., 2007.
3. Topolyanskiy V.D., Strukovskaya M.V. Psikhosomaticheskie rasstroystva. M., 1986.
4. Kolokolov N.A. Klevetnik podlost'yu velik // Rossiyskaya pravovaya gazeta "ezh-Yurist". 2008. No. 23.
5. Zakon Tomskoy oblasti "O statuse deputata Gosudarstvennoy Dumy Tomskoy oblasti" ot 21 fevralya 2002 g. URL: <http://www.old.elect70.tomsk.ru/acts> (date of access: 17.03.2011).
6. Zakon g. Moskva "O statuse deputata Moskovskoy gorodskoy Dumy" ot 13 iyulya 1994 g. URL: <http://www.businesspravo.ru> (date of access: 17.03.2011).
7. Zakon Altayskogo kraya "O statuse deputata Altayskogo kraevogo Zakonodatel'nogo sodraniya" ot 03 maya 1995 g. URL: <http://pravoteka.ru> (date of access: 17.03.2011).
8. Zakon Kemerovskoy oblasti "O statuse deputata Soveta narodnykh deputatov Kemerovskoy oblasti" ot 15 aprelya 1996 g. URL: <http://www.sndko.ru> (date of access: 17.03.2011).
9. Zakon Permskogo kraya "O statuse deputata Zakonodatel'nogo Sobraniya Permskogo kraya" (s izmeneniyami i dopolneniyami) ot 06 marta 2007 g

- <http://pravoved.ucoz.com> (дата обращения: 17.03.2011).
10. Нуркаева Т., Щербаков С. Уголовно-правовая охрана чести и достоинства личности // Российская юстиция. № 2. 2002. С. 50–51.
 11. Агилдин В.В. Уголовно-правовая характеристика оскорбления // Российский следователь. 2010. № 2. С. 11–14.
 12. Есть на свете много профессий. URL: <http://www.autotagil.ru/ugolok> (дата обращения: 17.03.2011).
 13. Александров Н.Г. Законность и правопорядок в социалистическом обществе // Советское государство и право. 1955. № 5. С. 10–12.
 14. Сутужко В.В. Социальная оценка как объект социально-философского анализа: дис. ... канд. философ. наук. М., 2004.
 15. Анисимов С.Ф. О первоценности морали в структуре человеческой духовности // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. М., 2001. № 1. С. 26–36.
 16. Кусов Г.В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004.
 17. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
 18. Сутужко В.В. Социальная оценка как объект социально-философского анализа: дис. ... канд. философ. наук. М., 2004.
 19. Боброва А.С. Теория рассуждений Ч. Пирса: дис. ... канд. философ. наук. М., 2005.
 20. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.
 21. Вишневецкий К.В. Место виктимологической теории в криминологии // Общество и право. Краснодар, 2010. № 1 (28). С. 206–224.
- URL: <http://pravoved.ucoz.com> (date of access: 17.03.2011).
10. Nurkaeva T., Shcherbakov S. Ugolovno-pravovaya okhrana chesti i dostoinstva lichnosti // Rossiyskaya yustitsiya. No. 2. 2002. P. 50–51.
 11. Agil'din V.V. Ugolovno-pravovaya kharakteristika oskorbleniya // Rossiyskiy sledovatel'. 2010. No. 2. P. 11–14.
 12. Est' na svete mnogo professiy. URL: <http://www.autotagil.ru/ugolok> (date of access: 17.03.2011).
 13. Aleksandrov N.G. Zakonnost' i pravoporyadok v sotsialisticheskom obshchestve // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1955. No. 5. P. 10–12.
 14. Sutuzhko V.V. Sotsial'naya otsenka kak ob'ekt sotsial'no-filosofskogo analiza: dis. ... kand. filosof. nauk. M., 2004.
 15. Anisimov S.F. O pervotsennosti morali v strukture chelovecheskoy dukhovnosti // Vestnik MGU. Ser. 7. Filosofiya. M., 2001. No. 1. P. 26–36.
 16. Kusov G.V. Oskorblenie kak illokutivniy lingvokul'turniy kontsept: dis. ... kand. filol. nauk. Krasnodar, 2004.
 17. Karasik V.I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs. M., 2004.
 18. Sutuzhko V.V. Sotsial'naya otsenka kak ob'ekt sotsial'no-filosofskogo analiza: dis. ... kand. filosof. nauk. M., 2004.
 19. Bobrova A.S. Teoriya rassuzhdeniy C. Pirsya: dis. ... kand. filosof. nauk. M., 2005.
 20. Vezhbitska A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie. M., 1997.
 21. Vishnevetskiy K.V. Mesto viktimologicheskoy teorii v kriminologii // Obshchestvo i pravo. Krasnodar, 2010. No. 1 (28). P. 206–224.